

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА И. СРЕЗНЕВСКОГО С ЧЕШСКИМИ СЛАВИСТАМИ

Т. Готовска-Хенце

Готовска-Хенце, Т. Първата среща на И. Срезневски с чешките слависти

Статията е посветена на първата среща на големия руски славист Измаил И. Срезневски с представителите на чешката възрожденска наука. В рамките на първата си научна командировка зад граница младият харковски възпитаник прекарва четири месеца в Прага и пропътува (в по-голямата част от времето и пеша) градове и села в Бохемия, Моравия и Тешинска Силезия. По този начин той изучава езика и местните диалекти и получава многобройна информация от първа ръка за живота и обичаите на местното население. Статията анализира в каква степен преживяното по време на пътуването и специално контактите с възрожденските дейци в различните славянски страни влияят върху схващанията на младия руски учен. За тази цел са съпоставени неговите възгледи преди отпътуването с тези след завръщането му.

Ключови думи: славянски филологии, диалектология, етнология, славянско национално движение.

Готовска-Хенце, Т. Первая встреча И. Срезневского с чешскими славистами

В статье рассматривается влияние первой встречи великого русского слависта Измаила Срезневского с представителями чешской национальной гуманитарной науки. Молодой харьковский ученый провел четыре месяца в Праге. Он также посетил города и деревни в Чехии, Моравии и Тешинской Силезии. Путешествуя пешком, он изучил много языков и диалектов, собрал информацию „из первых рук“ в области этнологии и народных традиций. Цель настоящей статьи – показать, как процесс накопления профессионального опыта и становление контактов с лидерами национального славянского возрождения повлияли на молодого русского ученого. Это осуществляется путем сравнения взглядов Срезневского до и после его первого путешествия в Европу.

Ключевые слова: славистика, диалектология, этнология, славянское национальное движение.

Gotovska-Henze, N. The first meeting of Ismail Sreznevskiy with Czech slavists

The article studies the impact of the first meeting of the great Russian Slavist Ismail Sreznevskiy with the representatives of the Czech National Revival Science. The young Kharkov scholar spent four months in Prague. He also visited towns and villages in Bohemia, Moravia and Tocsin Silesia. Travelling on foot, he got to know many languages and local dialects and gathered marvelous first-hand information in the field of ethnology and folk traditions. The article is aiming to show how the gathered professional experience and contact with the leaders of National Slavic Revival influenced this young Russian scientist. This is done by comparing his views before and after completing this first journey in Europe.

Keywords: Slavic studies, dialectology, ethnology, Slavic national movements.

Объектом нашего исследовательского интереса является первый визит Измаила Ивановича Срезневского в Богемию и Моравию в рамках его научной командировки по славянским землям (сентябрь 1839 – октябрь 1842 г.). Основные вопросы, которые занимали нас при разработке этой темы (они же являются и нашей исследовательской целью), были следующими: какой след оставила первая встреча с чешскими славистами в сознании молодого харьковского преподавателя? Какое влияние на него произвело путешествие по славянским землям? Для удовлетворительного ответа на эти вопросы мы попытаемся сопоставить взгляды И. И. Срезневского до отъезда в заграничную командировку, т.е. взгляды молодого ученого, начавшего свою преподавательскую карьеру в Харьковском университете, с его идеями по возвращении из Европы как первого в Украине преподавателя кафедры истории и литературы славянских наречий.

Сразу же заметим, что речь идет об очень талантливом молодом человеке, который девятилетним написал первые стихи, четырнадцатилетним поступил на Юридический факультет, решив уже в юном возрасте посвятить свою жизнь науке. В 1837 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему: „Опыт о сущности и содержании теории в науках политических“ и был назначен адъюнктом Харьковского университета по кафедре политической экономии и статистики.

В это время любознательный адъюнкт много читал философской литературы. Он познакомился с немецкой идеалистической школой (произведениями Ф. Шеллинга, Г. Гегеля,

И. Гердера, И. Канта), французскими авторами эпохи Просвещения и романтического направления (Ж. Кондорсе, О. Тюрго, О. Тьери, Ж. Мишле, Ф. Гизо и др.), знал также славянскую романтическую историографию¹. Читая французскую литературу, он начал интересоваться древней религией, научившись скептическому отношению к господствующим в науке постулатам². Немецкая школа привлекала его диалектическим методом; в целом же он воспринял систему взглядов объективного идеализма. В 1830-е годы молодой юрист не только познакомился с европейскими корифеями философии разных направлений, но и сформировал свой взгляд на историю и развитие общества. Он воспринял от французской романтической историографии интерес к „плебейскому третьему сословию“, т. е. к широким народным массам. В этом духе Измаил Иванович осуждал историков дворянского происхождения, которые изучали лишь представителей знати (князей, полководцев, аристократию) и описывали только государства и войны. На массы народа, по словам Срезневского, они смотрели „сквозь очки схоласта и фарисея“³. Молодой, но критически мыслящий человек считал: изучая народ, следовало обращать внимание на все социальные слои, и поэтому не надо опираться на историков дворянского происхождения, которые судили о народе по одному лишь высшему классу.

Расширение спектра исторического анализа на народные массы в многонациональных государствах породило специфический феномен – национальный подъем зависимых народов. Старая сословная историография обходила их молчанием, исследуя преимущественно титульные нации, которые имели свои государства. Такое отношение к малым народам будущий славист тоже остро критиковал. В 1831 г. он записал в рабочей тетради к своему „Опыту о сущности и содержании теории в науках политических“: „Несмотря на все свое видимое совершенство, история еще очень несовершенна. Посудите сами: ищут истории политической, разумея под оной историю государства. Куда же денутся бедные народы, не получившие великого имени государственных? Бедняжки, они должны исчезнуть с лица земли без внимания, именно потому, что историк не нашел в существовании их ничего политического. После этого, что такое история человечества?“ – удивлялся молодой ученый⁴. Он придерживался твердого убеждения: историческая наука должна уделять внимание всем народам, в том числе малым и несвободным, потому что всеобщая история есть история всего рода человеческого, а не только некоторых „избранных“ наций. Его точка зрения по этому вопросу противоречила господствующему в немецкой (и не только немецкой) историографии постулату об „исторических“ и „неисторических“ народах – первым, мол, принадлежало будущее, а вторые обречены на забвение. С другой стороны, подход И. И. Срезневского роднил его с представителями романтической славянской историографии в лице ее чешских представителей Павела Йозефа Шафарика и Франтишека Палацкого, которые отстаивали право чехов и славян вообще на будущее. И. И. Срезневский был знаком с первым трудом П. Й. Шафарика „История славянского языка и литературы“, „Хроникой“ Козьмы Пращского, „Чешской грамматикой“ В. Ганки и некоторыми извлечениями из Краледворской и Зеленогорской рукописей⁵. Главные идеи романтической историографии (о значимости в истории народа всех сословий и об истории всех народов, больших и малых), которые молодой ученый воспринял, были разработаны в его магистерской диссертации „Опыт о сущности и содержании теории в науках политических“. Когда будучи уже адъюнктом кафедры политической экономии и статистики он получил предложение „Журнала Министерства народного просвещения“ о сотрудничестве, то собирался писать не только на малороссийские темы, а и публиковать материалы о Краледворской рукописи и чешском словаре Йозефа Юнгмана⁶.

Вот такое инновационное мышление имел этот талантливый молодой человек. Живой, энергичный, увлекающийся всем, что касается науки, он любил литературу, публиковал свои первые стихи („Море“, „Мысли Саади“, „Молдавская песня“) и прозу („Могильщик“, „Три сновидения“)⁷. По происхождению рызанец, по рождению ярославец, он прожил почти безвыездно с детских лет на Украине, которую полюбил как свою родину. Заметим, что в 30-е годы XIX в. Харьковский университет был центром национального движения в Восточной Украине. Здесь выросли многие представители патриотической интеллигенции. Взгляды И. И. Срезневского типичны для деятелей умеренно либерального крыла национально-культурного движения Украины того времени. Измаил Иванович активно участвовал в студенческом литературном кружке, члены которого провозгласили принцип народности

литературы и ее прямую связь с фольклором⁸. Поэтому собрание произведений народного творчества было одним из направлений деятельности кружка.

В 1830-х гг. Измаил Иванович тесно общался с поэтом А. Л. Метлинским – оба любили и собирали украинский фольклор. Украинской историей и фольклором увлекался сам Н. В. Гоголь; Срезневский ответил на призыв великого писателя посылать ему собранные материалы. В 1834 году началась переписка⁹, из которой следует, что Н. В. Гоголь знал „Запорожскую старину“ – самое замечательное литературное „детище“ Срезневского. Она вызвала большой интерес и у Т. Г. Шевченко. В раннем творчестве украинского поэта, как и в сборнике „Запорожская старина“, чувствовалось романтическое преклонение и любовь к героической истории украинцев¹⁰. „А теперь, маменька, знаю старину запорожскую как свою собственную жизнь. Мало по-малу и собрал сведений очень много“, – писал он матери из Варваровки. „Главное мое занятие любимое – история Украины“ – сообщал он в том же письме¹¹. В результате появился „Украинский сборник“ и „Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины“.

Измаил Иванович был также пламенным защитником украинского языка, отстаивая его право на существование. В своем „Взгляде на памятники украинской народной словесности“ он утверждал, что „язык украинский (или как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие русского или польского“. Это был не только настоящий язык, но язык „поэтический, музыкальный, живописный“. Будучи еще не обработанным, он мог уже сравниться с языками образованными по гибкости и синтаксическому богатству, не уступая „богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности“. Для автора украинский язык – „один из богатейших языков славянских“¹². Он изучал малороссийские говоры, о чем писал не только в „Запорожской старине“¹³. Благодаря своей разнородной деятельности этого периода, будучи собирателем и издателем фольклорных материалов, пламенным защитником украинского языка, романтическим исследователем прошлого, получив известность с выходом „Запорожской старины“ (1833–1838), талантливый юрист обрел свое место среди видных представителей украинской науки 30-х годов XIX века¹⁴.

В период деятельности харьковского кружка молодых литераторов-романтиков И. И. Срезневский читал некоторые извлечения из чешских Краледворской и Зеленогорской рукописей. Как известно, в 1817–1818 гг. палеограф и знаток многих древних текстов Вацлав Ганка прославился „открытием“ этих „старинных“ летописей. Они быстро обошли Европу и появились в переводе на все славянские (и не только славянские) языки, вдохновив даже Гете. Харьковский адъюнкт восхищался этими спорными творениями (особенно „Либушиным судом“) и яростно отвергал любые сомнения в их достоверности. У него преобладало романтическое отношение к прошлому славян. В 1838 г. он написал: „Любите, храните, чеши, свои народные драгоценности и защищайте их от нападков всеразрушающей критики, если по совести признаете их того достойными...“¹⁵. В данном случае под нападкам „всеразрушающей критики“ он имел в виду родоначальника чешской славистики Йозефа Добровского, сомневавшегося в достоверности рукописей.

Измаил Иванович верил в славянство как особый субстрат общественной жизни, не романский и не германский, но и не азиатский. Это „племя“ проживало в Старом свете рядом с другими „племенами“ с древнейших времен, но большинство исследователей изучало лишь кельтские, германские и романские народы как автохтонное население Европы, а к славянам относились пренебрежительно как к менее культурному „племеню“.

Благодаря П. Шафарику и его „Старожитностям“, славяне заняли свое достойное место как древнее и многочисленное „племя“ в Европе, имевшее свою богатую культуру. Срезневский тоже причул к такому выводу, настаивая на важности внимательного изучения всех славянских народов в прошлом. „Каждый живой народ, каждое живое наречие, каждая живая народная словесность представляют этнологу, историку, филологу хотя нечто такое, что, наперекор судьбе, пережило долгие века и сохранилось только в нем, что каждый славянский народ выражает в особой форме, будучи необходимым звеном в общем развитии славянства, и может дать ответы на те или другие из общеславянских вопросов“¹⁶. Кроме того, он искренне верил в особую миссию этого „племеню“, которому суждено было обновить Европу. Первые контакты с представителями зарубежных славян он завязал еще в

Украине, познакомившись со словацкими торговцами, у которых почерпнул образцы устного народного творчества. Так в 1832 г. появился первый славистический труд будущего исследователя – „Словацкие песни“, которые автор записал, перевел, сопроводив комментарием и маленьким словарем.

Когда в декабре 1837 г. Срезневскому было предложено отправиться в славянские земли „для приготовления к занятию кафедры истории и литературы славянских наречий“, он был уже вооружен многими идеями и представлениями. Богатая эрудиция, инновационное мышление, знакомство с крупнейшими представителями зарубежной философской и исторической науки, в том числе славяноведения – это были его бесспорные достоинства. К тому же будущий славист уже владел несколькими славянскими языками (в совершенстве русским, польским и украинским, в некоторой степени словацким, сербским и чешским). Перед отъездом он уже думал об издании этимолого-этнографического словаря славянских наречий, необходимого для дальнейшего прогресса в славянском языкознании¹⁷, но был убежден: полевые исследования, собирание материалов должны предшествовать аналитической работе, для чего следовало познакомиться с каждым народом непосредственно.

План его научной командировки составил ректор университета, известный украинский писатель П. П. Гулак-Артемовский. Маршрут и время следования были четко определены. Цель состояла в практическом знакомстве с языками, просвещением и литературой, с этнографией и фольклором западных и южных славян, равно как в изучении климата, промышленности и пр. Поэтому он решил путешествовать летом, а зимой работать в библиотеках, завязав контакты со специалистами¹⁸. Срезневскому было предписано прибыть в Чехию на полгода и общаться с П. Шафариком, Й. Юнгманом, В. Ганкой, Ф. Челаковском, Ф. Палацким, т. е. с известными чешскими учеными.

Итак, в сентябре 1839 г. он покинул Харьков и отправился в свое научное путешествие по славянским землям. Остановившись по дороге в Санкт-Петербурге, получил от министра народного просвещения графа С. С. Уварова рекомендательные письма к П. Шафарику и В. Ганке. „Работайте, молодой человек! Знайте, что каждый ваш шаг не только может, но и должен иметь влияние на будущее поколение – влияние благодатное и следовательно производимое строго-совестливо“ – этими словами, ставшими пророческими, министр сопроводил будущего слависта¹⁹. Срезневский остановился ненадолго в Кенигсберге, где встретился со своим коллегой, будущим преподавателем кафедры славянских наречий Санкт-Петербургского университета Петром Прейсом. Важно отметить, что зная этнографическую карту Габсбургской империи Шафарика, еще перед отъездом из Харькова Измаил Иванович начал работу над своей картой географического расположения славян в Европе²⁰, продолжив трудиться над ней в Восточной Пруссии.

„Каждый сделает что-нибудь, многие сделают много!“ – с этим девизом молодой путешественник отправлялся в долгой путь²¹. Он проехал или, скорее, прошел Чехию, Моравию, Силезию, Сербскую Лужицу, Крайну, Штирию, Хорутанию (Словению), Фриулию, Истрию, Далмацию, Черногорию, Хорватию, Славонию, Сербию, Галицию и Северную Венгрию (Словакию), т. е. все славянские земли за исключением болгарских. Но началось его путешествие в Германии, где (в Берлине, Лейпциге и Галле) он познакомился с корифеями немецкой науки.

Однако не большие немецкие города вызвали его восхищение, а Прага, куда харьковский ученый прибыл в начале февраля 1840 г. Город „ста золотых башен“ наполнил его сердце трепетом. Славянские слова напоминали ему московское наречие. „Прага – прелесть, западная Москва, огромна, величава, многобашенна, пестра!“ – писал он с восхищением своему брату Николаю²². А вот как описывал он столицу Богемии в письме этнологу В. В. Пассеку: „Прекрасный город, похожий на Москву, окруженный милыми окрестностями, веселый, хоть и не шумный, музыкальный...“²³.

Сразу же после своего прибытия И. И. Срезневский посетил автора знаменитых „Славянских древностей“ П. Й. Шафарика и библиотекаря Народного музея В. Ганку. Русский гость подружился прежде всего с представителями старшего, русофильского направления патриотической интеллигенции: кроме слависта П. Й. Шафарика (1795–1861) и палеографа В. Ганки (1791–1861), это были историк литературы и автор первого чешско-немецкого словаря Й. Юнгман (1773–1847), патриарх чешской историографии Ф. Палацкий (1798–1876),

фольклорист и переводчик Ф. Л. Челаковский (1799–1852), филолог Й. Франта Шумавский (1796–1857). С молодым же поколением полонофильской ориентации он не мог, да и не желал находить общий язык²⁴.

Языку Срезневский учился у Ф. Шумавского и Ф. Л. Челаковского. Он был талантливым учеником – уже в марте мог говорить на чешском, а в июне друзья хвалили его за прекрасное владение языком²⁵. Чешский был первым из западославянских языков, с которым Срезневский познакомился во время путешествия и который стал базой для усвоения других наречий. Благодаря лингвистической подготовке, он мог свободно общаться с людьми, которых встречал по дороге, а без этого работа этнолога была бы невозможна. Очень тесно И. И. Срезневский сблизился с Ф. Л. Челаковским, который знал все славянские языки и работал над составлением их сравнительной грамматики. Знакомство с рабочими записями чешского исследователя, их количество и образцовый порядок изумляли гостя. У Челаковского он научился не только разговорной речи, но и многому полезному для своей дальнейшей работы над словарями²⁶.

В доме П. Й. Шафарика Измаил Иванович проводил целые вечера. Он восхищался великим славистом, удивляясь как его профессиональным качествам и трудолюбию, так и высокому моральному достоинству. Был благодарен за предоставленную литературу, за практические советы относительно организации путешествия. Библиотекарь Чешского музея В. Ганка помогал ему в палеографической работе, снабжал необходимой литературой. С этим горячим русофилом он завязал дружбу на всю жизнь²⁷. В соответствии с планом научной командировки, И. И. Срезневский познакомился и с Й. Юнгманом, Ф. Палацким, другими чешскими исследователями, живо интересовался их трудами. В столице Богемии он прожил почти 4 месяца и, как сам определил: „Жилось мне в Праге очень хорошо: славянами был принят, как родной...“²⁸.

Срезневскому особенно импонировала романтическая и патриотическая направленность чешского славяноведения: эти ученые изучали древнюю историю, культуру, этнографию и мифологию, чтобы продемонстрировать историческую общность славян и поднять их престиж по крайней мере для потомков, способствуя борьбе за национальное равноправие²⁹.

Он особенно ценил заслуги Й. Юнгмана в деле национального возрождения. Как участнику украинского национально-культурного движения, чешский аналог вызвал у него восхищение. „Это пробуждение представляет чудный пример революции совершенно особенного рода, революции без шума и крови, без черни и бездельников, революции, начавшейся в кабинете смиренного ученого, в келии монаха, в книгах и книгою, без всяких покушений противу начальства, революции, действующей, по-видимому слабо, но между тем решительно и с успехом...“ – писал он своему брату³⁰.

Во время пребывания Срезневского в столице Богемии, здесь же в научной командировке оказался П. Прейс. Он готовился занять кафедру славяноведения Санкт-Петербургского университета и брал уроки чешского языка вместе со своим коллегой. Молодые люди подружились и, по словам Прейса, дополняли друг друга: „Он любит настоящее, занимается более народом, этнографией вообще, я же – как известно – стариною, прошедшим. Настоящее преимущественно интересует меня тогда, когда оно объясняет прошедшее“³¹. Научная подготовка и целостная направленность русских ученых-славистов различалась, но в известном смысле перекликалась³².

Перед своим отъездом за рубеж больше года Прейс изучал церковные документы старославянского письма у именитого специалиста проф. А. Х. Востокова, а потому хорошо знал древнеславянский язык. Поэтому Шафарик ожидал его с большим нетерпением. Оба перечитывали страницы за страницей „Славянские древности“, прибегая к помощи древнеславянского и древнерусского словарей, которые Прейс привез с собой. Последний, зная не понаслышке литературные сокровища русских монастырей, делал важные заметки в тексте. По его словам, „почти на каждой странице“ представлялся повод для замечаний, поправок, дополнений и т. д.³³, что Шафарик очень ценил. С другой стороны, Прейс с большим интересом просмотрел материалы и документы, собранные великим славистом и не обманулся в своих ожиданиях. У Шафарика действительно накопилось много „превосходных материалов, печатных и рукописных“³⁴. Не меньше нашлось и в Чешском музее. В частности,

молодой ученый собирал информацию о болгарях, поскольку намеревался посетить балканские владения Османской империи, куда, по его словам, „ни Бодянский, ни Срезневский не дерзнули отправиться“⁴³⁵.

План его харьковского коллеги имел более современную направленность. Срезневский изучал жизнь и нравы, язык, быт и фольклор славянского населения Габсбургской монархии. Поэтому больше интересовался деревнями, чем городами и почти все время шел пешком. Он совершил три поездки из Праги в сельскую местность, потом посетил Мельник и побывал в Северной Чехии³⁶. Общительный русский путешественник странствовал, по ходу расспрашивая пастухов и земледельцев, прачек и трактирщиков. Особое впечатление на него произвела Моравия, потому что там он „в каждом уголке“ находил что-нибудь новое. „Моравия – как музей древностей и редкостей“ – читаем в письме к В. В. Пассеку³⁷. С большим „душевным удовольствием“ бродил он, изучая „моравский народ“, который сохранил „много славянского и добр, гостеприимен, радушен, хоть нередко и беден...“³⁸. Весной 1840 г. он побывал также в Бероуне, Пльзене, Клатове, Страконице, Будейовицах, Брно и других городах, общаясь с местными исследователями: в Оломоуце посетил этнографа А. В. Шемберу, в Брно его собеседниками были поэт Ф. Клацель и историк А. Бочек.

После Моравии, которую покидал с грустью, любознательный молодой человек отправился в Тешинскую Силезию. Во Вратиславе (Бреслау) он провел почти месяц в доме чешского патриота Яна Евангелиста Пуркине, профессора тамошнего университета. Путешествуя преимущественно пешком, имея в кармане „только записную книжку с карандашом“³⁹, русский исследователь увидел и узнал многое. Маршрут путешествия охватил все наиболее важные места Центральной Европы, где можно было собрать богатую информацию в области славянской диалектологии, фольклористики, этнографии и т. п.

Когда в ноябре 1840 г. Срезневский снова вернулся в Прагу, он знал уже намного больше, чем знаменитый Шафарик, который не покидал своего кабинета. Во время путешествия молодой исследователь смог проверить и дополнить карту славянских диалектов, включив в нее моравские говоры ганаков, моравских словаков, валахов и силезских моравцев⁴⁰. „Теперь не Шафарик мне, а я Шафарика поправляю карты Чехии, Моравии, Силезии, Лужиц...“ – похвалился он в письме к матери⁴¹.

Неутомимый пешеход покинул Прагу и отправился далее на юг по славянским странам, где приобрел много непосредственных впечатлений о словаках, хорватах, словенцах, черногорцах, сербах, итальянских славянах. Записанный языковый материал (слова и выражения, диалектизмы и т. д.) был огромен⁴². Теперь молодой ученый обладал уникальными сведениями обо всех западно- и южнославянских языках, за исключением болгарского. Не менее внушительным был и разнообразный этнографический материал, собранный во время путешествия (сказки, мифы, планы старых домов и городищ, рисунки костюмов и т. д.). Увиденное, собранное и сохраненное было настолько объемным, что один современник Срезневского назвал это „подвигом европейским от Балтийского моря до Адриатического“⁴³.

Но Измаил Иванович не остался посторонним наблюдателем, который бесстрастно вел путевые заметки. Мораван он полюбил и сочувствовал им. „Жаль, что над этим народом властвуют немцы и онемеченные, к которым он не имеет ни доверия, ни крохи привязанности“, – писал он своей матери в письме из Оломоуца 3/15 июля 1840 г.⁴⁴, заметив, что в Праге число тех, кто читает по-чешски, непрерывно увеличивается, и это раздражало немцев, пробуждая к антиславянским и даже антирусским настроениям⁴⁵.

Во всех славянских землях Срезневский общался с литераторами, этнологами, лингвистами, историками, деятелями национального Возрождения этих народов. Почти со всеми он не только познакомился, но и подружился. Среди незабываемых впечатлений, какие путешествие оставило у харьковского слависта, наибольшее, конечно, произвела Прага. В блокноте В. Ганки Срезневский собственноручно написал: „Прага и чехи, как вы и все, с которыми свела меня там добрая моя судьбина, останутся для меня всегда милы, незабвенны...“⁴⁶.

О том, какой след оставило трехлетнее путешествие по славянским землям и в частности знакомство с чешскими славистами, можно судить и по его первой лекции, прочитанной 16 октября 1842 года. Она была посвящена обоснованию необходимости изучения славянства и весьма показательна в этом отношении. „Вопрос о славянстве стал вопросом европейским, не вопросом моды и несколько месяцев и лет, а предметом глубокого изуче-

ния“ – констатировал возвратившийся из Европы молодой славист⁴⁷, ссылаясь на факт открытия новых кафедр славяноведения во многих европейских университетах.

Причины для возросшего интереса к славянам были разные. Прежде всего, он подтвердил свою позицию, сформированную еще в студенческие годы о том, что славяне были „племенем“ столь же древним в Европе, как романское и германское. Подобно П. Шафарьку, он считал славянские народы автохтонным населением, подчеркнув его культурную роль в древней европейской истории. Исследование прошлого славян стало его вкладом в этническую историю Старого света. „Знание славянства для европейцев вообще важно не менее, как знания романства и германства“, – заявлял Срезневский, аргументируя свой тезис тем, что их быт, предания и язык сохранили свидетельства о первобытной жизни европейских народов, равно как родство и связи с народами юго-западной Азии⁴⁸. Иными словами, изучая славян, можно выйти на факты и выводы, важные для этнографа, филолога, историка, юриста, политика и т. д.

Но необходимость изучения славян не заключалась только в их древности. Исмаил Иванович накопил непосредственные впечатления, пообщался с деятелями славянского Возрождения, и у него окрепло убеждение, что именно просветительский, культурный и национальный подъем являлся основной причиной повышенного интереса к ним заграничных ученых.

Каким образом этот интерес к славянам, к их национальному и культурному возрождению касался России? Зачем предлагать славяноведение на кафедрах российских университетов? Аргументов у молодого лектора было много и разных. Во-первых, славяноведение в России было необходимо, поскольку изучение славянских языков облегчало взаимное общение. Во-вторых, изучение литературы зарубежных славян обогащало родную литературу. В-третьих, Срезневский считал, что русские не смогли бы в полной мере познать себя без познания своих кровных братьев. Наконец, весьма важный аргумент этой лекции, который выходил за рамки „чистой академической науки“, – русские должны осознать себя частью славянского мира. Необходимо, чтобы в России развилось чувство принадлежности к большой славянской семье, чувство „единоплеменничества“. Моральный долг русских – помогать соплеменникам, которые жили в менее благоприятных, по его убеждению, условиях⁴⁹. „Мы должны любить славянство во всем его объеме, потому что мы славяне, без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе: это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату“ – говорил он переполненной студенческой аудитории⁵⁰.

Нетрудно распознать в приведенных аргументах моралистический пафос: такая аргументация сочетала в себе как логику и научный подход, так и сильную эмоциональную привязанность к своему предмету. Как уже отмечалось, Срезневский интересовался зарубежным славянством еще перед отъездом за рубеж – это было туманное чувство симпатии. Теперь же, после своего возвращения в Харьков, он хорошо его знал. Благодаря путешествию и под влиянием общения с известными учеными, деятелями национального Возрождения, не только чешскими, но и словацкими, южнославянскими (Л. Штур, В. Караджич, Ст. Враз), романтические представления русского патриота были дополнены теорией славянской взаимности.

По убеждению Срезневского, славяне были одним „племенем“ не только в древности, они остались братьями до сих пор и поэтому надо по-братски общаться друг с другом на ниве культуры. Красноречивый лектор говорил с пафосом и часто цитировал А. С. Пушкина, А. Мицкевича и Я. Коллара перед аудиторией, среди которой находились украинцы, русские, поляки... В. Ламанский ссылается на свидетельство известного публициста де Пуле, который присутствовал на первой лекции Срезневского: „Направление профессора было панславистское, стихи Коллара не сходили... с его уст...“⁵¹. Действительно, приверженность идее славянской взаимности уже стала важной составной частью его взглядов по национальному вопросу⁵².

Итак, познакомившись с зарубежной славистикой, Исмаил Иванович понимал свой предмет достаточно широко, стремясь комплексно представить студентам историю, язык и литературу зарубежных славян. Общий курс по истории языка и литературы славянских наречий состоял из трех частей: 1) энциклопедическое введение в изучение славянства;

2) западные славяне южной отрасли (включая болгар); 3) западные славяне северной отрасли. Под влиянием романтизма главное внимание уделялось „науке народностей“, т. е. присутствовал филологическо-этнографический уклон: предмет излагался не по дисциплинам, а по народам, представленным в комплексном освещении⁵³.

Важно отметить большое влияние на концепцию курса чешской славистической школы. В лекциях, которые читались с 1842 по 1846 г., т. е. до отъезда из Харькова, И. И. Срезневский использовал методики и научные достижения корифеев славяноведения Й. Добровского и П. Й. Шафарика. Он делил прошлое славян на пять больших периодов, придерживаясь романтического взгляда о том, что в древности славяне были одним целым и долгое время оставались таковым⁵⁴. Лишь спустя много веков, под влиянием различных географических, исторических и политических факторов, они разделились и развивались дальше своим специфическим путем. В этом изложении со всей очевидностью прослеживается „красная нить“, начерченная автором „Славянских древностей“. Он полностью разделял воззрения Шафарика об автохтонности славян в Европе, об их высокой культуре в древности и пр. Что касается истории чехов, Измаил Иванович в основном опирался на „Историю чешского народа в Чехии и Моравии“ Ф. Палацко, восприняв его идею противостояния двух сил: славянской и германской, представляя их борьбу как основной двигатель исторических процессов в Европе. За основу в своей словарной работе ученый использовал элементы научной методики и системы Ф. Челаковского, в частности при составлении словарей словацкого и болгарского языков (а также в будущем, работая над словарем древнерусского языка)⁵⁵.

Интересно отметить, что молодой преподаватель с самого начала знакомил студентов с литературными текстами на западнославянских языках. Еще на втором году преподавания нового предмета он включил в свои лекции отрывки из таких знаковых произведений, как „Дочь Славы“ Я. Коллара и „Краледворская рукопись“. С последней, как мы уже выяснили, он познакомился еще в студенческие годы, и, несмотря на основательную критику и сомнения исследователей в ее достоверности, до конца жизни защищал подлинность этой литературной подделки.

Пребывание в славянских землях чрезвычайно обогатило харьковского преподавателя. Он смог познакомиться с местными диалектами гораздо лучше, чем кто-либо другой из современных ему лингвистов и впервые в российской славистике выделил собственно моравские говоры⁵⁶. Шафарик неоднократно интересовался мнением русского коллеги в области диалектологии, ценя его компетентность. В личной переписке начинающий русский ученый посылал великому чешскому слависту сведения о границах расселения и диалектах славянских народов, о численности итальянских словенцев и пр. Благодаря этому изнурительному путешествию, Срезневский превратился в одного из самых осведомленных ученых в сфере славянской диалектологии и географии, впервые в российской науке предприняв попытку показать закономерности изменения гласных и согласных звуков в славянских языках⁵⁷.

Кроме достижений в области славянской диалектологии, путешествие способствовало уточнению этнографической карты южных и западных славян. И эти непосредственные наблюдения оказались очень полезными для Шафарика в его работе над „Славянской этнографией“. Не лишним будет напомнить, что И. И. Срезневский был автором самого квалифицированного научного отзыва на эту книгу в России. Проявляя заслуженное уважение к „великану современной славянской учености“, харьковский исследователь не побоялся высказать замечания, относительно предложенной Шафариком классификации наречий; в частности, он не принимал существование белорусского языка и двух болгарских наречий. На основе своих непосредственных наблюдений Срезневский указал некоторые неточности труда в обозначении границ расселения сербов, словенцев, словаков и др. Он критиковал сам подход автора, предлагая историко-географический принцип деления славянских языков⁵⁸. Ценные сведения о словенцах и хорватах послал он и Ф. Челаковскому⁵⁹.

Отдадим должное Срезневскому и как популяризатору чешской науки, литературы и культуры в России. Он представил русскому читателю наиболее важные периодические издания, информировал о последних новостях чешской научной жизни, содействовал переводу Краледворской и Зеленогорской рукописей.

По завершению путешествия появились новые исследования на малоизвестные до того

времени темы, например: „Исторический очерк серболужицкой литературы“ (1844). Срезневский впервые описал фриульских славян (словенцев); его статьи „Словинны во Фриуле“, „Фриульские славяне (резьяне и словинны)“, „Сообщение о резьянах“ сохраняют научную ценность до сих пор. В ряде публикаций харьковского периода он представил анализ современной ему литературы южных и западных славян. В частности, в библиографическом „Очерке книгопечатания в Болгарии“ впервые в русской науке описал сочинения болгарских авторов с 1806 по 1845 г., выразив надежду, что этот долго страдавший под османским владычеством народ тоже быстро пойдет по пути духовного возрождения. Замечательным был и его „Взгляд на современное состояние литературы у западных славян“, где он описывал литературу в тесной связи с национальным подъемом. Нельзя не упомянуть написанный в мемуарном жанре его „очерк биографический и библиографический“ о Вуке Караджиче (1846 г.), который, как известно, стал первой научной биографией знаменитого сербского филолога и фольклориста. Измаил Иванович собирался написать подобный очерк и о видном болгарском эмигранте-просветителе, основателе первой болгарской школы нового типа в Габрово Василе Априлове, но, к сожалению, это намерение осталось неосуществленным. Не в последнюю очередь занимался он и археологией, изучая городища западных славян. Своим вкладом в области этнолингвистики, этнографии и славянской мифологии харьковский профессор заложил солидную основу русской академической славистики⁶⁰.

Интерес к древней мифологии у Срезневского зародился еще в студенческие годы под влиянием романтизма. Древнеславянская мифология была в центре интереса и других украинских исследователей⁶¹. Этот интерес не был случайным – ученые пытались доказать единый языческий культ у всех славян, как подтверждение их древней культурной общности. Возвратившись из научной командировки, молодой славист написал статьи „Об обожании Солнца у древних славян“, „О языческом веровании древних славян в бессмертие души“ и др. Более подробно древнеславянский культ он разработал в своей докторской диссертации „Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям“. Собранный огромный диалектологический, этнологический и фольклорный материал, включая чешские средневековые хроники, он обработал под влиянием романтизма, представляя народную культуру как общую для всех славянских племен. Основная его идея сводилась к тому, что у древних славян существовал общий культ. Предположение наличия подобного рода духовной общности оказалось ошибочным, тем не менее, некоторые его постулаты (например, о связи языческих культов с сельскохозяйственным календарем) подтвердились наукой⁶². Защитив этот труд в декабре 1846 г., И. И. Срезневский стал первым доктором славяно-русской филологии в Российской империи, благодаря чему перед ним открывалась дорога для успешной научной карьеры.

Позиционировавший себя как украинский патриот и друг всего славянства до отъезда за рубеж, выдающийся этнограф, лингвист и диалектолог, каким он стал после своего возвращения в Харьков, – все это обещало плодотворную работу на ниве изучения современных славянских народов, переживавших эпоху национального Возрождения, в контексте концепции славянской взаимности. Планы у И. И. Срезневского были обширными: написать географическое обозрение западных славян, составить хрестоматию, где познакомить студентов со всеми славянскими наречиями, начать работу над общей сравнительной грамматикой славянских языков... Своему другу В. Ганке он доверительно писал, что вскоре в России изучение славянства станет почти наравне с изучением Востока⁶³. Но судьба распорядилась иначе. В начале 1847 года, как известно, произошли резкие изменения в его личной и научной биографии, что было связано с переездом в Санкт-Петербург, где в столичном университете после скоростижной смерти П. Прейса освободилась кафедра истории и литературы славянских наречий.

Не последнюю роль в этом повороте судьбы сыграли его чешские друзья. Для того, чтобы перебраться в Санкт-Петербург, Измаил Иванович использовал тесные связи, которые В. Ганка поддерживал с министром народного образования С. С. Уваровым. „Примите участие, добрый друг, напишите министру. Напишите, как Вам скажет ваше сердце, Ваша память обо мне...“⁶⁴. Далее И. И. Срезневский писал, что если бы ему удалось хоть на два, на три года переселиться в Петербург, то „это бы подвинуло меня далеко в науке...“. Конечно, в Харькове, расположенном далеко от специализированных библиотек и музеев, он почти

не имел доступа к большей части памятников языка северной и восточной Руси, да и знание древнеславянского языка оставляло желать лучшего. Одним словом, сокровища древнеславянской и древнерусской письменности находились в Санкт-Петербурге, куда всей душой стремился И. И. Срезневский⁶⁵. „Добрый друг“ действительно откликнулся и С. С. Уварову писал. Кстати сказать, он уже „принимал участие“ точно таким же образом еще во время пребывания И. И. Срезневского в Праге. В мае 1841 г. В. Ганка, от своего имени и от имени П. Шафарика, обратился с письмом к С. С. Уварову и просил министра о продолжении стипендии для молодых русских славистов, чтобы те могли закончить знакомство со славянскими народами.

Чешские патриоты действительно ценили своих русских гостей. Более того, они питали надежду, что благодаря им славяноведение сделает шаг вперед, особенно в плане изучения слабо исследованных областей и регионов. „Все эти страны тем любопытнее для нас во всех отношениях, потому что исследователи-венгры давали неудовлетворительные ответы на лингвистические и этнографические вопросы, о Галиции даже этого не было сделано, а „Булгария и в новейшем описании Буета изображена только по слухам, без знания дела, чего нельзя и ожидать от иностранца, которому не был известен язык страны, не был понятен характер жителей...“⁶⁶. Письмо это – яркое свидетельство не только состояния европейского славяноведения в начале 1840-х гг., но и пионерской роли исследований первых русских славистов. Молодые ученые не в полной мере оправдали ожидания чешских славистов, тем не менее материалы, которые они собрали во время путешествия, действительно дали толчок развитию славяноведения в России.

К сожалению, накопленный И. И. Срезневским в период его первой заграничной командировки материал не был в большинстве своем ни обработан, ни опубликован, ибо в Санкт-Петербурге, под влиянием новой общественной, политической и научной среды, харьковский славист в корне поменял свою научную ориентацию. Собственно научное творчество Срезневского в области славяноведения оставалось сравнительно скромным, а богатство собранных материалов до сих пор остается в его личном архиве в ожидании своих исследователей.

¹ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский как историк-славист. – В: Славянские языки, письменность и культура. Ред. В. В. Колесов и др. Киев, 1993, с. 42.

² *Ламанский, В.* Измаил Ив. Срезневский (1812–1880). М., 1890, с. 8.

³ Цит. по: *Ламанский, В.* с. 14.

⁴ Цит. по: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 41.

⁵ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003, с. 87. Эта монография до сих пор остается наиболее фундаментальным трудом на эту тему.

⁶ *Францев, В. А.* И. И. Срезневский и славянство. Петроград, 1914, с. 2.

⁷ „Украинский альманах“ 1831 року. – В: Харківська школа романтиків. Т. 1. Харків, 1930; Невский альманах, 1833.

⁸ Подр. см.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 67–69.

⁹ Русская старина, 23. Спб., март 1892, с. 751–752.

¹⁰ Подр. см.: *Зінчук, Л. Д.* І. І. Срезневський і Т. Г. Шевченко. – В: Славянские языки, письменность и культура..., с. 158–167.

¹¹ Письма И. И. Срезневского 21 февраля и 27 февраля 1833. Из переписки И. И. Срезневского 1829–1839 гг., оттиск из журнала „Киевская старина“. К., 1901, с. 35, 38.

¹² Цит. по: *Ламанский, В.* Цит. соч., с. 4.

¹³ К этому периоду относятся также „Отрывки из записок о старце Григории Скороводе“, „Взгляд на памятники украинской народной словестности“, „Иван Барабаш“, „Мартынец“, „Барсерки“ и пр.

¹⁴ *Ламанский, В.* Цит. соч., с. 5.

¹⁵ Там же, с. 3.

¹⁶ Цит. по: *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 8.

¹⁷ См. подр.: *Бозатова, Г. А.* И. И. Срезневский и славянская историческая лексикография. – В: Славянские языки, письменность и культура..., с. 51.

¹⁸ См. подр.: *Лаптева, Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005, с. 171.

¹⁹ *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 74.

²⁰ *Лаптева, Л. П.* Цит. соч., с. 173.

²¹ Цит. по: *Францев, В. О.* Цит. соч., с. 8.

²² Письмо И. И. Срезневского к брату Н. И. Срезневскому, 7 августа 1840 из Ополе в Силезии. – См.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками, с. 511.

²³ Письмо И. И. Срезневского В. В. Пассеку, 9 августа 1840 г. из Ополе. – Там же, с. 514.

- ²³ *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками, с. 203.
- ²⁴ *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 13–14.
- ²⁵ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками..., с. 207–208.
- ²⁶ Переписка между ними продолжалась 20 лет, многие письма И. И. Срезневского Ганка опубликовал на страницах „Журнала Народного музея“. Чешский патриот стал „родным дедушкой“ детям Срезневского, его именем был назван второй сын русского слависта.
- ²⁷ Письмо И. И. Срезневского В. В. Пассеку, 9 августа 1840 из Ополе. – В: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками..., с. 514.
- ²⁸ Там же, с. 210.
- ²⁹ Письмо И. И. Срезневского к брату Н. И. Срезневскому, 7 августа 1840 г., из Ополе в Силезии. – В: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками..., с. 511.
- ³⁰ Письмо П. Прейса 12 января 1841 года из Праги. – В: Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836–1846). – В: Материалы к истории славяноведения. Ред. Вл. Ламанский. СПб, 1892, с. 40.
- ³¹ По словам Ганки: „Один археолог, другой этнограф, другой за древней хартией, другой в народе. И потом сходятся, поверяют друг другу свои наблюдения, взаимно уважая направление друг друга“. Письмо В. Ганки Министру народного просвещения С. С. Уварову. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 108–109.
- ³² Письмо Прейса 12 января 1841 из Праги М. С. Куторге. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 41.
- ³³ Там же, с. 38.
- ³⁴ Письмо Прейса 29 августа 1840 г. из Праги М. С. Куторге. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 36.
- ³⁵ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками, с. 210–211, где находится подробное описание маршрута Срезневского и карта на с. 534–536. Карту путешествия Срезневского публиковал и В. А. Францев. – В: *Францев, В. А.* И. И. Срезневский и славянство, с. 9.
- ³⁶ Письмо И. И. Срезневского В. В. Пассеку, 9 августа 1840 г. из Ополе опубликовано у *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 515.
- ³⁷ Там же, с. 516.
- ³⁸ Письмо к матери из Оломоуца 3/15 июля 1840 г., опублик. у *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 507.
- ³⁹ Там же, с. 216, 220.
- ⁴⁰ См. подр.: *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 52.
- ⁴¹ Только о словаках в его архиве были сохранено более семи тысяч слов и семисот выражений. – См. подр.: *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 51.
- ⁴² Там же, с. 52–53.
- ⁴³ *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 507.
- ⁴⁴ „Немец уже – дрожит, зовет на помощь чертей и проклинает Россию“. – Письмо И. И. Срезневского к брату Н. И. Срезневскому, 7 августа 1840 г. из Ополе в Силезии. – В: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 511.
- ⁴⁵ См. подр.: *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 23.
- ⁴⁶ Там же, с. 55.
- ⁴⁷ *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 53.
- ⁴⁸ *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 55.
- ⁴⁹ Там же, с. 56; *Богатова, Г. А.* Цит. соч., с. 53.
- ⁵⁰ *Ламанский, В.* Цит. соч., с. 18.
- ⁵¹ Но, как отмечает М. Ю. Досталь, она не исключала его русский патриотизм. – См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 95.
- ⁵² Там же, с. 101.
- ⁵³ *Лаптева, Л. П.* Цит. соч., с. 203–204.
- ⁵⁴ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 207.
- ⁵⁵ Там же, с. 220.
- ⁵⁶ *Лаптева, Л. П.* Цит. соч., с. 207.
- ⁵⁷ Рецензия появилась в 1843 г. на страницах „Журнала Министерства народного просвещения“ (ч. 38., № 4, отд. 6, с. 1–30).
- ⁵⁸ См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 110–111.
- ⁵⁹ Особенно ценные были 43 словенских и 30 хорватских пословиц. – См. подр.: *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 217.
- ⁶⁰ Там же, с. 299.
- ⁶¹ Среди прочих отметим и М. И. Костомарова, который в 1846 г. опубликовал в Киеве свой труд „Славянская мифология“.
- ⁶² *Досталь, М. Ю.* Цит. соч., с. 45.
- ⁶³ См. подр.: *Францев, В. А.* Цит. соч., с. 57–58, 64–65.
- ⁶⁴ Там же, с. 61.
- ⁶⁵ Там же, с. 62.
- ⁶⁶ Письмо В. Ганки без даты Министру народного просвещения С. С. Уварову. – В: Письма П. И. Прейса..., с. 110.